

По следам
похождений
и загулов
Сережки Есенина
мы отправили
своего Серегу -
бесшабашного
и нежного
душой
Благодарова

Москва КАБАЦКАЯ

Золотая середина (ирил.к. Ком. правде). - 1995. - 6 окт. - с. 3

ли поэт имеет право взойти на эшафот, то он вправе и выступить с ресторанного столика):

*Шум и гам в этом
логове жутом,
Но всю ночь напролет,
до зари,
Я читаю стихи
проституткам
И с бандитами жарю
спирт.*

Кстати, о них, о проститутках, чья профессия - раздвигать. Их и сегодня на этом месте, как во времена Есенина, тьма. Сергей Александрович, грешник, любил после пирушки в кабачке провести ночь с ласковой путаной (жизнь слишком коротка, и надо успеть совершить все ошибки).

Недаром пуще всего на свете, по свидетельству очевидцев, Есенин боялся сифилиса. Выскочит, бывало, на носу у него прыщик, и уж ходит он от зеркала к зеркалу мрачнее тучи. На дню спросит раз пятьдесят:

- Сифилис, может, а?.. а?..

Перед каждым встречным и поперечным задирал губу:
- Вот кровь идет... а?.. Не первая ли стадия?.. А?..

Даже как-то на вечеринке задрал губу перед Мейерхольдом:

- Вот лесна... тово...

Мейерхольд произнес многозначительно:

- Да-а...

Есенин сник, расстроился, затем подошел к своему близкому другу:

- У меня сифилис... Всеволод сказал... А мы с тобой из одного стакана пили... Значит...

У друга ноги подкосились.

Есенин вел себя, как мальчик. А разве и не запомнится он нам навеки мальчиком, молодым и красивым? Это позже старая прелестница Дункан показала ему совсем иную жизнь.

...А я шагаю, топаю по ночной Москве дальше. Как и Есенин, я сказочно богат - у меня есть небо, а на небе луна. Я уже на несколько лет пережил поэта - вот вина всякого совестливого человека. Подхожу к углу ул. Герцена, где когда-то располагалось кафе имажинистов.

Теперь здесь какой-то магазин «Одежда». А сколько в свое

Два Сергея: слева поэт, справа - наш корреспондент.

время Есениным стихов было прочтено на этом месте, они из него просто сыпались, сколько перецеловано девочек, славных московских девочек. Почему-то по-прежнему тут пахнет мокрым кустом и забором.

ДА, ИЗРЯДНО сгнуло, пропало, кануло безвозвратно в старой Москве мест, связанных с Есениным. Исчез даже адрес скандально знаменитого «Стояла Пегаса». До хрипоты спорил здесь Сергей Александрович о судьбах русской поэзии. Дело, бывало, заканчивалось и кулаками, когда кто-нибудь обижал рязанского менестреля.

Но мог задраться и без причины - был куражлив, буен, необуздан и несдержан на руку и язык. В уже упоминаемом кафе поэтов «Домино», что на Твер-

ской, 18, как-то с приятелем «господин Есенин, будучи нетрезвым, стал бить швейцара, потом прибежавшего на помощь милиционера, потом прибежавшего на помощь милиционеру дворника, разорвав на последнем тулуп и сорвав бляху. Затем с криком «Бей жилов!» ринулся на эстраду, где избил еврея-конферансье» (из милицейского протокола, январь, 1924 г.).

В другой раз «господин Есенин схватил стул и ударил им в «Стояле Пегаса» по голове одного из посетителей, сделавших ему робкое замечание. Прибежавших милиционеров называл хамами, сволочами, взяточниками и жандармами. При составлении протокола дал подписку о невыезде, после чего тут же сел в поезд и уехал в Тверь...»

Но дом, которым являлся сердце человеческое, был заселен у Есенина не только драками да скандалами. Какие литературные дискуссии закатывал Сергей Александрович, когда еще не убежал многолюдства и не боялся толпы, в ресторане того же Дома Герцена (по-нынешнему Литературный институт им. Горького). Именно отсюда М. Булаков списал свои знаменитые ресторанные сцены в «Мастере и Маргарите». И поныне эта милая писательская ресторация радует посетителей нежнейшими филейчиками, икрой и прекрасными винами.

Но, пожалуй, наиболее классическим местом, помнящим Есенина и сохранившим даже сам воздух, словно в запечатанном сосуде, старой Москвы ос-

тается любезный сердцу каждого газетчика Дом журналиста. В есенинскую пору он назывался Дом печати, в ресторане которого любил почитать стихи и выпить-покушать Сергей Александрович.

В этом старом московском особняке на Суворовском бульваре и поныне любят нашу пишущую братию. Из того же кармана много не выжмешь, поэтому цены в Домжуре, как и в есенинские времена, более чем божеские. По-прежнему подают здесь любимые Есениным свиные котлеты «а-ля натюрель», мясо по-суворовски, заливную осетринку с хреном...

К слову, и свое недавнее 70-летие «Комсомольская правда» отгуляла, отпела, отплясала здесь же - в Доме журналиста. О, каких чудных вареных раков здесь подавали к свежему пиву; что за прелесть эти крапчатые перепелиные яйца, что любил и покойный Есенин, царствие ему небесное, какие стихи и песни тут пелись...

Без сомнения, восстань сегодня Сергей Александрович со своей веселой ватагой, непременно бы посетил любимый им Дом печати. ...Заканчивается мой ночной обход загульных есенинских мест в старой Москве. Небес наряд - неоновоый, в центре первопрестольной чистых звезд почти не видно. Кроме б..., никого на улицах. Какой-то последний синий свитер на улице спешит к последней электричке метро. Грустно отчего-то...

ОЧУТИСЬ Сергей Александрович действительно в наши дни в Москве, мест, где гульнуть, у него было бы гораздо больше, чем в его время. Вскорости открывается «Яр» (бывший ресторан «Советский»), где можно гулять и с цыганами. А уж сколько любезных его сердцу небольших рестораничков, клубов, опрятных пивнушек и рюмочных выросло в сегодняшней Москве - и не счесть. Думаю, своим он бы был и в многочисленных частных кабаках, пусть даже оккупированных бандитами (с ними поэт находил общий язык).

И последнее о Сергее Александровиче Есенине. Он не ушел. Он только умер.

Сергей БЛАГОДАРОВ.

Сергей Сергеев

6.10.95